

Дэвид Вебер
Вселенная Хонора
Харрингтон

Хонор Харрингтон родилась 1 октября 1859 года эры Расселения в Скалистой Ложбине (усадьба семьи Харрингтон) в графстве Дювалье герцогства Долины Теней на Сфинксе. В общем-то можно сказать, что она родилась на закате длительного периода стабильности и мира в галактике. Ее родина, Звездное Королевство Мантикора, считалось одним из самых богатых государств (вероятно *самым* богатым, если считать на душу населения), доминируя на маршрутах межзвездной торговли за пределами Солнечной Лиги. Уже более сотни лет в галактике не видели больших войн, хотя, конечно, были как и всегда места (вроде Силезской Конфедерации), где вспыхивающие конфликты были скорее нормой, чем исключением. И не было оснований предполагать, что положение вещей может измениться, если не считать «раскатов грома» со стороны экономически депрессивной Народной Республики Хевен, которая силой аннексировала полдюжины соседних систем.

Но к 1901 году э.р. (время действия «Космической станции Василиск») положение *изменилось*, и изменилось радикально. Устойчивый экономический коллапс подвинул экспансионизм НРХ до пределов невиданных с докосмической эры, и Звездное Королевство Мантикора оказалось непосредственно на пути экспансии. «Золотой век» подошел к концу, надвигалась межзвездная война, в которой практически каждый должен будет выбрать свою сторону, а военные операции достигнут небывалого размаха.

В этом приложении описываются некоторые значимые моменты устройства мира, в котором родилась Хонор... и который ей волей-неволей суждено изменить навсегда.

Общий обзор

Первый пилотируемый межзвездный корабль покинул Солнечную систему 30 сентября 2103 года. И, хотя на протяжении почти полусотни лет он оставался единственным, этот год был назван годом первым эры Расселения, а 1 января 2103 года стало 1 января 01 года э.р.

Еще более семи веков после старта «Прометея», сверхсветовые скорости оставались недостижимыми, и единственным средством межзвездной экспансии оставались корабли поколений*¹ и, после разработки в четвертом веке эры Расселения, корабли с анабиозными камерами. Первые корабли использовали довольно простые реактивные двигатели, снабженные ловушками межзвездного водорода, чтобы сохранять ускорение после исчерпания первоначальных запасов рабочего тела. Дальнейшие разработки испробовали более экзотические двигатели, но были ли они термоядерными или фотонными — корабли оставались в принципе все теми же реактивными и досветовыми до 725 года э.р., когда был испытан первый прототип гипердвигателя.

При переходе в гиперпространство скорость была критическим фактором. Если скорость корабля, совершающего переход, превосходила 0,3 световой, корабль разрушался. И, кроме того, прежде чем совершать переход, корабль должен был выйти за пределы гиперпорога, создаваемого гравитацией звезды. Радиус гиперпорога зависит от спектрального класса звезды, как показано в таблице 1.

Гипердвигатель был убийцей. Первые пятьдесят лет полетов в гипере потери были ужасающими. Хуже того, корабли погибали со всем экипажем, не оставляя записей и, таким образом, не давая никаких намеков на причины катастрофы. Со временем, тем не менее, были установлены две главные причины катастроф — «гравитационный сдвиг» (см. далее) и «пространственный сдвиг» (опасные возмущения энергии на границе гиперполос). Как только

верхние гиперполосы были объявлены запретной зоной, потери из-за пространственного сдвига прекратились, но гравитационный сдвиг оставался чрезвычайно опасным и практически непредсказуемым явлением еще пять веков. Несмотря на эту непредсказуемость и продолжающиеся (хоть и реже) катастрофы, сверхсветовая скорость гиперкораблей сделала их естественным выбором для выполнения исследовательских и других задач, не требующих крупных команд. Для выполнения исследовательских полетов и курьерской доставки нанимали высокооплачиваемых специалистов, готовых мириться с риском, но уровень потерь продолжал препятствовать массовому развитию межзвездной коммерции, и гарантировал, что большинство колонистов предпочтет более медленный, но и более надежный, корабль с анабиозными камерами. Как следствие этого, скорость колонизации не возросла значимо в период 725—1273 годов э.р., хотя возможность выбора подходящей планеты для колонизации (благодаря работе исследователей на сверхсветовых кораблях) возросла неимоверно.

Предел скорости в гиперпространстве до 1273 года э.р. составлял около пятидесяти скоростей света, намного больше скорости досветовых кораблей, но все еще слишком мало, чтобы объединить звездные просторы в какое-либо подобие межзвездного сообщества. Впрочем, этого *было* достаточно, чтобы основать старейшее из существующих межзвездных государств, Солнечную Лигу, состоящую из миров в радиусе примерно девяноста световых лет от Солнца колонизированных первыми.

Главная проблема, ограничивающая скорости в гиперпространстве, состоит в том, что переход в гипер сам по себе не создает движения. На самом деле такой переход сопровождается сложным процессом переноса энергии, который «съедает» скорость космического корабля. Корабль, совершающий переход, теряет примерно 92% той скорости, которую имел в нормальном пространстве. Это, естественно, увеличивает требуемые запасы рабочего тела для двигателя, особенно учитывая то, что в

гиперпространстве водородные ловушки неэффективны и не могут помочь в его восполнении. С другой стороны, так как эффект «съедания» скорости не зависит от направления перехода (то есть потеря 92% скорости происходит как при переходе из нормального пространства в гипер, так и обратно), то вышедший из гиперпространства корабль будет иметь скорость только 8% от той, что была у него в гипер. Это чрезвычайно снижает расходы на торможение на финише путешествия и, таким образом, делает реактивные двигатели хотя бы пригодными для гиперкораблей.

Так как максимальная скорость, при которой переход «вверх», в гиперпространство, возможен, составляет 0, 3 с (примерно 89 907, 6 км/с), то исходная скорость в гиперпространстве не превышает 0, 024 с (или 7 192, 6 км/с). Но переход при 0, 3 с сопряжен с немалым риском. При такой скорости перехода вероятность катастрофы составляет почти 10%; понижение же скорости до 0, 23 с практически устраняет опасность и, так как разница в начальной гиперскорости не превосходит 1700 км/с, большинство капитанов предпочитают поступить скоростью. Даже в настоящее время переход вверх при 0, 3 с совершают только военные и только в экстренных ситуациях. Для перехода же «вниз» нет скоростного лимита. То есть при любой гиперскорости переход в нормальное пространство не сопряжен с риском для корабля. (Что, впрочем, не значит, что команде понравятся ощущения сопровождающие переход, и что такой переход не скажется на износе гипергенераторов.) Дальнейший переход в более высокие гиперполосы может быть осуществлен при любой скорости вплоть до 0, 6 с . Ни один корабль не может превзойти скорость 0, 6 с в гиперпространстве (0, 8 с в нормальном пространстве), так как радиационные и пылевые щиты не смогут защитить команду и пассажиров при более высоких скоростях.

Войдя в гипер, корабль оказывается в своего рода сжатом пространстве, каждая точка которого соответствует точке нормального пространства, но расстояния между этими точками оказываются существенно меньше. Гиперпространство состоит из

множества регионов или слоев — называемых «полосами» — близких, но различных измерений. Доктор Радхакришнан (признанный величайшим гиперфизиком после Адрианны Варшавской) называл гиперполосы «изнанкой творения», так как они могут рассматриваться как эхо нормального пространства, вследствие конвергенции массы всей Вселенной. А доктор Варшавская однажды сказала: «Гравитация всюду деформирует пространство, хотя бы на ничтожно малую величину, и гиперпространством можно считать то, что прячется „внутри“ его складок».

На практике все это означает, что для корабля в гиперпространстве расстояние между точками нормального пространства будет «короче», и передвигаясь на субсветовых скоростях при помощи обычного реактивного двигателя корабль достигает *эффекта* сверхсветовой скорости. Даже в гипере невозможно двигаться быстрее света; относительная близость точек нормального пространства просто создает *впечатление* сверхсветового полета, следовательно, пользуясь реактивным двигателем и не входя в вышестоящие гиперполосы максимально достижимая скорость будет примерно в шестьдесят два раза больше чем та, которую корабль может развить в обычном пространстве.

Сама природа гиперпространства создает проблемы навигации, связи и наблюдению. Созданное гравитационными возмущениями, оно ведет себя подобно увеличительному стеклу, вызывая каскадный эффект все более сжатого пространства. Законы релятивистской физики применимы к каждой точке этого пространства, но инструменты гипотетического наблюдателя покажут все более нарастающие погрешности по мере возрастания дистанции. На расстоянии около 20 световых минут (359 751 000 км) погрешности нарастают настолько, что делают невозможными сколько-нибудь точные наблюдения. Говоря «около 20 световых минут», следует иметь в виду, что в зависимости от локальных условий это расстояние может варьироваться до 12% — то есть от 17, 6 световых минут

(316 580 880 км) до 22, 4 световых минут (или 402 921 120 км). Таким образом гиперкорабль путешествует внутри «пузыря» доступного для обозрения диаметром от 633 161 760 до 805 842 240 километров. И даже в пределах этой сферы наблюдения и измерения будут достаточно грубыми. Можно сказать, что внутри «пузыря» наблюдатель может заметить что-нибудь, но только очень приблизительно определить где это «что-нибудь» расположено. Точные измерения просто невозможны за пределами дистанции в 5—6 миллионов километров, что делает навигацию стандартными способами нереальной.

Это сводило на нет практическое использование гиперпространства до изобретения гипержурнала в 731 году э.р. Гипержурнал представляет собой аналог инерциальной навигационной системы разработанной на Земле еще в двадцатом веке. Гипержурнал позволяет вести счисление пути комбинируя данные чрезвычайно точных сенсоров, данные о работе двигателей и отслеживая гравитационные градиенты по мере полета. Ранние модели гипержурналов имели точность не более 10 световых секунд на световой месяц, что значило, что на пути в 60 световых лет истинная позиция могла отличаться от вычисленной на два световых часа. Таким образом первым навигаторам гиперкосмоса следовало быть чрезвычайно внимательными и учитывать существенные погрешности прокладки курса. Современные же (1900 год э.р.) гипержурналы обеспечивают точность 0, 4 световых секунды на световой месяц (то есть отклонение позиции ГЖ от истинной после путешествия в 60 световых лет не превысит 288 световых секунд, что составляет менее 5 световых минут).

С самого начала освоения гиперпространства было известно о наличии множества гиперполос и о том, что чем «выше» полоса, тем больше сжатие пространства и, следовательно, больше эффективная скорость. Но использование высоких гиперполос было нерационально по двум главным причинам. Во-первых, хотя потери скорости при переходе в более высокую полосу каждый раз

составляют 92% потерь предыдущего перехода (то есть при входе в альфа-полосу теряется 92% скорости, в бета-полосу — 84, 64%, гамма — 77, 87% и так далее), это не решает проблемы с расходом рабочего тела реактивного двигателя на разгон после каждого перехода.

Во-вторых, при переходе из полосы в полосу возникают завихрения энергии создающие «пространственный сдвиг» погубивший множество ранних гиперкораблей. И пространственный сдвиг становится все более опасным при продвижении к верхним полосам.

Даже для относительно «безопасных» нижних полос характерны потоки заряженных частиц и фокусированных гравитационных потоков. И если защитится от радиации не так сложно, то гравитационный сдвиг может разнести корабль на кусочки в любой полосе.

В гиперпространстве гравитационные потоки приобретают форму широких, глубоких областей гравитационного напряжения пространства (до 50 световых лет шириной и вдвое меньшей глубины) «двигающегося» по гиперкосмосу. На самом деле поток остается на месте, но энергия и заряженные частицы, подхваченные его воздействием, перемещаются со световой или околосветовой скоростью. В этом смысле гравитационный поток служит переносчиком других энергий, а сам остается неподвижным, если не считать небольшого дрейфа. В основном именно дрейф потока делает его таким опасным. Точная аппаратура исследовательского корабля может отследить положение потока, но к моменту полета следующего корабля, поток может оказаться не там где его ожидают. Основные потоки вдоль главных маршрутов движения описаны достаточно аккуратно и о них собрано достаточное количество наблюдений, чтобы предсказать их дрейф. Более того — многие потоки можно считать «фиксированными», имея в виду, что их перемещения очень малы и взаимное положение таких потоков остается постоянным. Но есть и такие потоки, алгоритм перемещения которых (если «алгоритм» вообще есть) совершенно непонятен, перемещения могут

происходить в любой момент. Примером может служить Разлом Селкира расположенный между Андерманской Империей и Силезской Конфедерацией, но есть и другие. И те, что располагаются в малопосещаемых (и, соответственно, малоисследованных) областях космоса могут быть чрезвычайно непредсказуемы.

Сердцевина любого гравитационного потока намного мощнее его периферии. Поток состоит из множества слоев и завихрений, ориентированных, в основном, одинаково. Однако встречаются в потоке и слои обратного «движения».

Несмотря на размеры потока, большая часть гиперпространства от них свободна. Настоящие монстры размерами более 10-15 световых лет редки, и, даже с учетом того, что в гиперпространстве все расстояния сжимаются, промежутки между ними огромны. Хотя, конечно, по мере перехода в верхние полосы интервалы между потоками сокращаются.

Основная опасность гравитационных потоков для первых поколений гиперкораблей заключалась в так называемом феномене «гравитационного сдвига». Это происходило, когда корабль входил в область действия потока, или, того хуже, в область подверженную влиянию нескольких потоков. В таких условиях сила гравитации, действующая на различные части корабля, могла различаться в сотни и тысячи раз, что неизменно приводило к катастрофическим результатам.

Теоретически, корабль мог «проскользнуть» в гравитационный поток под очень острым углом, избегая сдвигов, которые могли разнести его на кусочки. На практике же, единственным способом избежать гравитационного сдвига было избегать потоков, хотя это было не всегда возможно. Не было возможности засечь поток, прежде чем корабль войдет в него, и не зная о приближении потока не удавалось проложить курс в обход. Конечно, было возможно обнаружить факт вхождения в периферию потока и, если повезет, предпринять маневр уклонения, но шансы на спасение все равно

были не очень велики. Гравитационные потоки долго оставались самой грозной опасностью гиперпространственных путешествий.

В 1246 году э.р. был создан первый гравитационный двигатель с фазированной решеткой — импеллер. Изобрели его на Беовульфе — колонии в системе Сигмы Дракона. Этот двигатель использовал для своей работы искусственно созданные гравитационные потоки, подобные тем, что в гиперпространстве наблюдали веками. Импеллер представляет собой набор генераторов, создающих пару полос «напряженного» пространства, одну «сверху» корабля и одну «снизу». Полосы — это своего рода кусочек псевдогиперпространства с «прирученным» гравитационным потоком. Поскольку полосы расположены под углом друг к другу, они «прихватывают» клин обычного пространства (широкий в передней части, и узкий сзади). Корабль ускоряется между полос примерно так же, как серфингист, оседлавший гребень волны. «Импеллерный клин», теоретически, может развивать неограниченные ускорения, но, к сожалению, предел ставит способность экипажа переносить ускорение. Зато ускорение можно поддерживать *постоянно*, безо всякого расхода рабочего тела, и, пока вы подаете энергию на генераторы, продолжительность работы двигателя не ограничена.

При межзвездных полетах, тем не менее, быстро выяснилось слабое место импеллерного двигателя. Для него гравитационный сдвиг был куда опаснее, чем для традиционных реактивных кораблей, из-за интерференции гравитационного потока и искусственного напряжения гравитации на клине.

Военные, со своей стороны, быстро выяснили, что, хотя передняя и задняя части клина должны оставаться открытыми, можно установить дополнительные генераторы боковых гравитационных «стен» для защиты от вражеского огня. Ибо даже лазерный луч (генерированный по технологиям того времени) не может преодолеть зону в которой локальная гравитация меняется от нуля до сотен тысяч g . Возможность генерировать лучи достаточной мощности, чтобы «прожечь» гравистену хотя бы на короткой

дистанции не появится еще несколько веков, но уже через пятьдесят лет будут разработаны пенетраторы давшие ракетам, также оснащенным импеллерными двигателями, возможность проникать за гравитенку. С того времени началась постоянная гонка между разработчиками защитных систем, модифицируемых чтобы противостоять пенетраторам, и разработчиками новых пенетраторов, созданных чтобы преодолевать защиту.

Недостатки импеллерного двигателя быстро стали очевидными кораблестроителям Беовульфа и несколько десятилетий он считался пригодным только для внутрисистемных полетов. Тем не менее, в 1273 году э.р. ученый со Старой Земли, Адрианна Варшавская, нашла способ применения новой технологии для гиперпространственного полета. До того любая попытка задействовать импеллер в гиперпространстве неизбежно заканчивалась катастрофой, но доктор Варшавская нашла обходной путь решения проблемы. Она изобрела устройство способное сканировать гиперпространство на предмет наличия гравитационных потоков в радиусе пяти световых секунд от корабля (и до сих пор гравитационные сканеры называют «детекторами Варшавской»). Это дало возможность использовать импеллер между потоками, которые теперь можно было заблаговременно обнаруживать и избегать.

Одного этого было бы достаточно, чтобы заслужить вечную признательность потомков, но, по сравнению со следующим изобретением доктора Варшавской, значимость первого меркнет. Она проникла в природу феномена гравитационных потоков глубже чем кто-либо другой, и внезапно осознала возможность переконфигурировать стандартный импеллер, чтобы он проецировал свои гравитационные потоки *под прямым углом* к оси корабля. Тогда, конечно, пропал эффект «захвата» куска обычного пространства, но зато эти перпендикулярные гравитационные поля можно было синхронизировать по фазе с потоком и устаранить опасную интерференцию. Более того, новые поля стабилизируют корабль относительно потока и, тем самым, устраниают опасность

гравитационного сдвига. Новые импеллерные узлы, «альфа-узлы», которые она установила на свой корабль «Флитвинг», развернули гигантские нематериальные паруса: круглые, тарелкообразные гравитационные полосы, более двухсот километров в диаметре. Совместно с ее же гравитационными детекторами «читающими» гравитационные потоки, альфа-узлы позволяли в буквальном смысле слова «идти под парусами» в гравитационном потоке развивая неслыханные ускорения.

Мало того, взаимодействие паруса и гравитационного потока приводило к возникновению мощного энергетического потенциала, к которому можно «подключиться» и снабжать энергией корабль. Фактически, «поставив паруса» корабль получал достаточно энергии чтобы их поддерживать, управлять ими, и для любой мыслимой потребности на борту самого корабля, таким образом позволяя заглушить генераторы до момента выхода из гиперпространства. Гиперкорабль под парусами Варшавской не нуждался в рабочем теле для реактивных двигателей, почти не нуждался в топливе, и мог сколь угодно долго поддерживать высокое ускорение, снимая проблему потери скорости при переходе между гиперполосами и позволяя осваивать верхние полосы.

Все это в результате позволило достичь высоких скоростей при межзвездных перелетах. Ограничение безопасной скорости 0, 6 с в любой из гиперполос осталось, но в верхних полосах эффект сжатия пространства увеличивал эффективную скорость в геометрической прогрессии. До появления парусов Варшавской пространственный разрыв делал переход в верхние полосы опасным, а потеря скорости — экономически невыгодным для реактивных кораблей. Теперь же потерянную скорость можно было быстро набрать заново и, в результате, ужасные гравитационные потоки превратились в надежную дорогу к другим мирам, а капитаны избегавшие их как огня, теперь искали их своими новыми инструментами и переходили из потока в поток на импеллере.

Конечно не всегда находился поток идущий в нужном кораблю направлении, но используя гравидетекторы можно было, по крайней мере, передвигаться в гипер на импеллере. Вдобавок, под парусами Варшавской корабль мог идти под углом к потоку. При угле 60° парус начинал «терять ветер», а при угле около 85° окончательно терял² тягу. По тому же принципу гиперкорабль мог идти «в бейдевинд» - под углом до 45° . При более крутых углах приходилось идти галсами, тратя на путешествие в одну сторону значительно больше времени, чем в другую. Так старая техника «выжимания ветра» земных моряков получила второе рождение в космическую эру. К 1750 году э.р. тюнеры парусов получили возможность менять «фактор захвата» намного более изощренным способом, чем позволяли изобретения доктора Варшавской. Стало возможным установить «фактор захвата» отрицательным, что позволило кораблям идти прямо «навстречу ветру», хотя и за счет повышения опасности сбоя в аппаратуре парусов.

«Пробивание стенки» между гиперполосами под парусами Варшавской также стало намного безопаснее, хотя аварии случаются и по сей день. Обеспечив доступ к верхним гиперполосам, парус Варшавской позволил первым поколениям кораблей развивать скорость более 800 с , на этот раз скорость лимитировалась дальностью действия гравидетекторов. В верхних полосах гравитационные потоки не только мощнее, но и расположены ближе друг к другу из-за эффекта общего сжатия пространства. Дальности в пять световых секунд не хватало для получения своевременного предупреждения о приближении к потоку выше чем в гамма-полосе. Да и проблема с набором скорости все еще оставалась. Приходилось настраивать паруса Варшавской так, чтобы большая часть энергии потока «посачивалась» сквозь него, ограничивая ускорение величинами переносимыми слабым человеческим телом.

В 1384 году э.р. физик по имени Шигемацу Радхакришнан совершил другое крупное открытие — компенсатор инерции. Компенсатор превращал гравитационный поток пронизывающий

судно в своего рода «инертную тряси́ну», компенсируя силу инерции потоком и защищая экипаж от последствий ускорения. В пределах эффективного действия компенсатора он полностью устранял перегрузки, оставляя внутри корабля постоянную гравитацию. Его способность гасить инерцию была прямо пропорциональна мощности гравитационного потока и обратно пропорциональна защищаемому объему и массе корабля. Это делало его, во-первых, более эффективным в гиперпространстве, так как там естественные гравитационные потоки отличаются большой мощностью, и, во-вторых, более эффективным для маленького корабля, чем для большого.

Гравитационные потоки в гиперпространстве несравненно мощнее искусственных, создаваемых импеллером, что означает для корабля под парусами Варшавской возможность развивать без вреда для пассажиров намного большие ускорения. Компенсатор позволил добиться ускорений до $550 g$ на импеллере и до 4—5 тысяч g под парусами. Таким образом «утекшую» после перехода между гиперполосами скорость стало возможно заново набрать достаточно быстро. Впрочем вышеприведенные цифры относятся к военным компенсаторам, более массивным, требующим больше энергии и внимания техников чем те, которые используются большинством торговцев. Военные не могут себе позволить быть менее маневренными, чем противник, но цену за это приходится платить непопозволительную для торговца.

Примерные пределы возможностей компенсатора приведены в таблице 2.

Обычной практикой является эксплуатация компенсатора не на пределе его возможностей в целях безопасности. Военные корабли повсеместно оставляют в запасе 20% возможностей компенсатора, а торговцы — до 35%. Кроме того следует понимать, что на эффективность компенсатора в первую очередь влияет размер поля, а не масса корабля. Грузовоз на 7, 5 миллиона тонн с пустыми трюмами

будет иметь почти такое же ускорение, как и под завязку нагруженный.

В 1900 э.р. эффективный предел компенсаторов составлял 500 *g* при массе 8 500 000 тонн. При большей массе возможности компенсатора падают примерно на 1 *g* каждые 2500 тонн. То есть корабль массой 9 547 500 тонн будет иметь максимальное ускорение в 1 *g*.

В 1502 году э.р. инженеры Судостроительной Корпорации Андерсона на Новом Глазго разработали первый серийный образец антигравитационного генератора. На космические перевозки это повлияло слабо (хотя и позволяло доставлять грузы на орбиту ценой мизерных затрат энергии), а вот в планетарном транспорте произвело форменную революцию — в одночасье отменив грузоперевозки железной дорогой, автомобилями и океанскими судами. В дальнейшем, в 1581 году э.р. Игнатиус Петерсон основываясь на работах Корпорации Андерсона, Варшавской и Радхакришнана совместил генераторы антигравитации с импеллерным двигателем, таким образом создав внутри корабля искусственное поле гравитации с постоянной ориентацией. Это дало невероятный импульс к созданию и эксплуатации кораблей для длинных маршрутов, так как до того приходилось изыскивать место для вращающейся секции создававшей экипажу замену гравитации. В целом сокращение стоимости подъема груза на орбиту, низкая удельная стоимость полета под парусами Варшавской и сократившийся риск попасть в гравитационный или пространственный сдвиг создали все предпосылки для массовых грузоперевозок между звездами. Фактически, межзвездный транспорт стал самым дешевым видом транспорта за всю историю.

К 1790 году э.р. последние поколения гравидетекторов могли засечь фронт гравитационного потока на расстоянии более двадцати световых секунд. Спустя столетие (ко времени действия книг) дальность обнаружения потока довели до восьми световых минут, а турбулентности в потоке — до четырех. Как результат, военные

корабли 20 века эры Расселения регулярно использовали тета-полосу гиперпространства, что переводило локальную скорость 0.6 с в эффективную около 3000 с . Коэффициенты скорости и величины потери скорости при переходе для исследованных гиперполос приводятся в таблице 3.

Кроме разработки компенсатора инерции доктор Радхакришнан знаменит тем, что математически предсказал существование туннельных сетей и способ их обнаружения. Впрочем первая сеть была открыта в 1447 году э.р., много лет спустя его смерти. Механизм образования туннельной сети до сих пор до конца не понят, а представляют они из себя «гравитационный дефект», возмущение гравитации столь мощное, что искривляется гиперпространство и нарушается его граница с нормальным пространством. Как результат — соответствие точек нормального пространства разнесенных на сотни и даже тысячи световых лет. Чтобы войти в сеть, требуется гипергенератор, а чтобы остаться в целости и сохранности — паруса Варшавской. Тем не менее переход совершается практически мгновенно и не требует особых затрат энергии.

Использование туннельных переходов потребовало математической теории шести измерений, но работа того стоила. Туннельные переходы остаются редким феноменом и астрофизики не прекращают дебатов по многим аспектам описывающих их теорий. Никто пока что не предложил метода определения того, куда ведет отдельно взятый переход, но работа над моделью продолжается. В настоящее время возможно предсказать количество терминалов туннельной сети, но невозможно обнаружить сами терминалы не совершив перехода, и такие разведывательные переходы остаются рискованным делом.

Есть и другие неоднозначности в понимании туннельных переходов. В теории, к примеру, должен быть возможен переход от одного терминала непосредственно к другому. На практике же возможно только совершать переходы между центральным узлом и терминалами.

Несмотря на несовершенство теорий, туннельные сети открыли новую страницу в межзвездных путешествиях и стали фокусами торговли. Хотя сетей немного и, конечно, нельзя их использовать для перехода туда, где нет терминала, но зато возможно преодолеть несколько десятков световых лет достичь терминала и совершить прыжок, приблизившись к финальному пункту на несколько сотен световых лет сэкономив тем самым немало времени.

Вдобавок, конечно, открытие туннельных сетей внесло изменения в схему продолжавшегося расселения. До того экспансия происходила примерно сферически, распространяясь от центра. После экспансия приобрела более «рваный» характер, так как туннельный переход открывал мгновенный доступ к удаленной области пространства. Более того, туннельные сети обычно связаны со звездами из середины главной последовательности (классов F, G и K) что приводит к высокой вероятности нахождения планеты пригодной для заселения у терминала сети. А как только люди обживали дальний конец туннельного перехода, он становился фокусом собственного «мини-расселения», образуя в свою очередь сферическую область исследованного пространства в сотнях световых лет от других разведанных областей.

Логистика под парусами Варшавской

По своей собственной природе импеллер и паруса Варшавской не могли не оказать огромного влияния на размеры космических кораблей. Импеллер позволил практически игнорировать массу как таковую при расчетах субсветовых полетов. Паруса Варшавской сделали тоже самое для сверхсветовых полетов. Таким образом космические грузоперевозки стали осуществимыми на практике. На самом деле межпланетный и межзвездный транспорт более дешев, чем наземный или атмосферный несмотря на применение антигравитации. Хотя, конечно, даже на скорости в 1200 световых (скорость среднего грузовоза) перегон в 300 светолет занимает 2, 4 месяца. Но, в целом, перевозка даже таких «неудобных» грузов, как руда или продовольствие между звездами приносит прибыль.

По тем же причинам возможны стали и межзвездные военные операции, включая вторжение и оккупацию целых планет. Конечно космический корабль как таковой представляет собой немалое первоначальное вложение средств, но срок его службы очень велик, стоимость проведения операции низка, а тот корабль который может перевозить скот и сельскохозяйственное оборудование может быть приспособлен для транспортировки войск и бронетехники.

В основном гиперкорабли делятся на три основные категории: медленные грузовозы, скоростные пассажирские корабли и боевые корабли.

Максимальное ускорение под парусами Варшавской зависит от их мощности или, иначе говоря, «фактора захвата» и эффективности компенсатора инерции. Чем мощнее (и массивнее) генераторы парусов, тем выше их эффективность в использовании энергии потока гравитации; чем эффективнее компенсатор, тем большее ускорение сможет перенести экипаж. Кроме того, для того чтобы переносить суровые условия «верхних» гиперполос необходимы чрезвычайно мощные паруса. Все это означает, что большим кораблям, на которых достаточно места для монтажа мощных парусов, присущи большая

энерговооруженность и большие достижимые скорости, потому что они могут «выжать» большее ускорение из данного гравипотока (разгоняясь до предельных $0,6$ с быстрее) и забраться в более высокую полосу гиперпространства (где сокращение дистанций приводит к большей эффективной скорости).

Есть и негативные факторы. Более мощные паруса Варшавской медленнее реагируют на изменения в гравипотоке. Это несет потенциальную опасность, но она, в свою очередь, смягчается большей устойчивостью мощного паруса к нагрузкам. То есть для выживания судна нет необходимости постоянно подстраивать паруса к флуктуациям потока. Другими словами большой корабль может поставить «большой» парус чем маленький при тех же условиях и, тем самым, обогнать его.

Конечно все не так однозначно. Для начала, меньшие, менее массивные корабли получают большее ускорение при той же мощности паруса. И каким бы продвинутым не был компенсатор, но при меньших размерах корабля (и, следовательно, поля) достигается большая эффективность, и меньший корабль может позволить себе большее ускорение в том же потоке чем большой не ставя под угрозу жизнь экипажа. Если же меньший корабль разгонится до $0,6$ с (предела скорости в гиперпространстве) быстрее большего корабля, то теоретическое превосходство последнего сходит на нет. В спокойных же гравитационных потоках большой корабль сможет поддерживать большее эффективное ускорение вне зависимости от возможностей компенсатора, так как меньший корабль будет вынужден «взять на рифы» свои паруса (уменьшить «фактор захвата») чтобы уберечь генераторы парусов от перегрузки. Это в основном справедливо для зета-полосы и более высоких, а торговые корабли забираются так высоко крайне редко. Военные же корабли, даже относительно небольшие, обычно имеют весьма мощные генераторы парусов для своего размера, они могут забираться в высокие полосы, но и для них сказывается преимущество больших кораблей в больших парусах. И в соответствующих условиях

большие корабли могут реализовать свое преимущество в парусах чтобы скомпенсировать меньшую эффективность компенсаторов инерции.

С другой стороны, меньшие корабли могут использовать свое преимущество в более быстрой и точной подстройке парусов под условия потока выжимая из него все возможное ускорение. Таким образом получается, что маленький корабль с достаточно энергичным парусным мастером может обернуться быстрее большого на *большинстве* маршрутов гиперкосмоса. Но есть, конечно, маршруты пролегающие по особо мощным и устойчивым гравипотокам (известным как «Ревущие Глубины») на которых больший корабль сможет реализовать свои теоретические преимущества и обогнать меньший с легкостью.

В *досветовом* же полете мощность парусов (соотносящаяся с мощностью импеллера) не дает никаких преимуществ в силу природы компенсатора инерции. Никакая мощность импеллеров не создаст гравитационного потока достаточного чтобы преодолеть фундаментальный принцип большей эффективности компенсатора при меньшем размере поля. Таким образом при досветовом полете военные корабли независимо от размера имеют равные скоростные возможности, но большие требуют больше времени на разгон и торможение.

Тюнеры и триммеры парусов Варшавской — это наиболее дорогостоящие и недолговечные компоненты генератора. И чем мощнее генератор парусов, чем больше на него нагрузка, тем короче срок их службы. Из-за этого грузовозы используют относительно маломощные паруса и не забираются в верхние гиперполосы, тем самым ограничивая себя скоростями в 1000—1500 с . Пассажирские лайнеры и грузовики специализирующиеся по скоропортящимся или срочным грузам могут позволить себе большие расходы на более мощные паруса и достигают скорости 1500—2000 с . В основном (хотя бывают и исключения) только на военные корабли ставят самые мощные паруса и компенсаторы какие только можно вместить в их

корпус. И это дает им возможность развивать скорости до 3000 с . В результате срок службы тюнеров на грузовом судне может составлять до пятидесяти лет, на пассажирском судне — до двадцати лет, а военному кораблю тщательный осмотр и замена тюнеров необходимы раз в восемь-десять лет. С другой стороны, военное судно может провести десяток лет не сходя с орбиты, так что реальная продолжительность службы тюнеров на судах одного класса может сильно различаться из-за различий в роде службы.

Расселение

Предел скорости для досветового корабля в 0,8 с был установлен еще на самых ранних этапах Расселения, так как при более высоких скоростях не удавалось защитить экипаж и корабль от бомбардировки межзвездными пылью, газом и радиацией.

Корабли поколений строились как цельные, замкнутые системы поддержания жизни для минимального населения способного к воспроизводству и разгонялись до предельной скорости при ускорении $1g$. По достижении предельной скорости нормальная сила тяжести поддерживалась при помощи вращения корпуса. На борту, кроме пассажиров-людей, находились запасы скота и растений и все что должно было быть необходимым для колонистов чтобы выжить в новом мире. Хотя размеры этих кораблей были просто гигантскими, место на борту было ограничено, и зачастую ранние экспедиции по прибытии на место назначения с грустью обнаруживали, что не подумали о чем-то просто необходимом. Такой конец путешествия стал менее вероятным после 800 года э.р., когда первые гиперкорабли сделали возможной предварительную разведку предполагаемых колоний до отправки экспедиции. Но к этому времени корабли поколений стали историей.

В 305 году э.р. был окончательно доведен до ума процесс анабиоза. Задолго до того было возможным сохранение отдельных органов при криогенных температурах, но даже лучшие методы борьбы с кристаллизацией воды были не идеальны и не предохраняли от повреждений при заморозке абсолютно. А если небольшое повреждение печени или мышц еще допустимо, то вот для мозга это абсолютно неприемлемо. Предсказания энтузиастов криогеники о возможности неограниченной приостановки жизненных процессов не оправдались.

Обойти проблему кристаллизации и тем самым разрубить гордиев узел проблемы анабиоза удалось в 305 году э.р. доктору Кадуэллеру Пино из Тулонского университета. Он нашел способ не

опуская температуру ниже точки замерзания поддерживать физиологические процессы со стократным замедлением. Другими словами человек в анабиозе старел на год за столетие и его потребность в кислороде и питательных веществах была соответствующей. В течение следующих десятилетий Пино и его сотрудники совершенствовали процесс в плане преодоления проблем атрофии мышц и других физиологических расстройств свойственных длительному периоду коматозного состояния. В конце концов было установлено, что есть необходимость в пробуждении человека из анабиоза для упражнений примерно на месяц каждые шестьдесят лет. Этот график и выдерживался в каждом полете колонизационного корабля с анабиозными камерами.

Как результат потребность в системах жизнеобеспечения на борту новых кораблей была куда меньше чем у кораблей поколений. Двигаясь со скоростью 0, 8 с колонисты получали вдобавок 60% замедление времени. Другими словами шестидесятилетнему периоду анабиоза соответствовало столетие по часам остальной вселенной. Таким образом столетнее путешествие осуществлялось без единого пробуждения экипажа и отнимало у него только 7, 2 месяца жизни. Более длинные путешествия, конечно, требовали периодических пробуждений, но одномоментно бодрствовала только малая часть экипажа и это не требовало мощных систем жизнеобеспечения. В целом количество колонистов на борту корабля резко выросло, а субъективное время затраченное на путешествие резко сократилось.

Дальнейшее ускорение колонизации придало изобретение гипердвигателя в 725 году э.р. Среди первых гиперкораблей катастрофы были столь часты, что в их экипажи шли только настоящие сорвиголовы, а таких среди колонистов никогда не было много. Колонисты были готовы рискнуть ради обретения нового дома, но и стремились свести риск к минимуму.

Однако гиперкорабли стали кораблями-разведчиками, превосходящими колонизационные корабли по скорости более чем в шестьдесят раз. И люди готовые отправится на разведку (а не

освоение) новых миров были обычно как раз такого сорта, чтобы рискнуть и полететь в гипере. В результате сложилась следующая ситуация: разведчики, обычно представляющие частные компании, брали на себя рискованное дело поиска подходящих для колонизации планет, а затем продавали данные о них с аукциона колонистам. Даже с учетом скорости гиперкораблей такая процедура требовала от участников умения смотреть далеко вперед, но человечество приспособилось и к этому, как и ко многому другому за свою историю.

Первым кораблем-колонизатором под парусами Варшавской считается «Икар», стартовавший с орбиты Старой Земли 9 сентября 1284 года э.р. под командованием капитана Мелиссы Андроповой. Несмотря на свое имя он прослужил более двух веков без существенных аварий и был отправлен на слом в 1491 году э.р. Но до него дуализм сверхсветовых разведчиков и досветовых колонизационных кораблей с анабиозными камерами был стандартом более пяти веков.

Появление новой технологии сверхсветовых путешествий повлекло за собой несколько инцидентов, когда неразборчивые в средствах личности использовали новые корабли чтобы обогнать плетущиеся к своему новому дому старые. По прибытии колонисты обнаруживали обустроившихся (и вооруженных) захватчиков. Если поблизости была другая колония, они обычно помогали колонистам выдворить захватчиков хотя бы даже силой оружия, чтобы не иметь под боком столь плохо зарекомендовавших себя соседей. Если же помощников поблизости не находилось — значит колонистам не повезло, особенно учитывая, что технологии в их распоряжении обычно отставали от технологий захватчиков на пару веков. Иногда такой захват вызывал цепную реакцию. Экспедиция не рассчитывавшая на перспективу возвращения (даже если бы у кого и возникло такое желание) не имела другого выхода, как рискнуть и отправится к неразведанному миру поблизости. Многие погибли не имея техники необходимой чтобы приспособиться к другому миру, не

такому, как первоначальная цель. Те же кто справился, зачастую занимали планету к которой тоже отправлялась группа колонистов. А иногда и обнаруживали уже колонизированную планету которая соглашалась принять их на равных правах.

«Икар» и его последовавшие аналоги полностью изменили стратегию колонизации. Теперь на преодоление 500 световых лет требовалось только два с половиной года и это время сокращалось по мере совершенствования технологии. Анабиоз все еще находил свое применение, но теперь уже просто как способ впихнуть побольше пассажиров в заданный объем, а не как необходимая мера. По мере роста скорости гиперкораблей анабиоз применялся все реже.

Звездное Королевство Мантикора

Основание и ранняя история

Экспедиция колонизации на Мантикору покинула Старую Землю 24 октября 775 года э.р. на борту досветового корабля с анабиозными камерами «Язон». Мантикора расположена примерно в 512 световых годах от Земли и представляет собой двойную звезду классов G0/G2. Первые доказательства существования планет в этой системе были получены в 562 году э.р. астрономом сэром Фредериком Кларке. Продолжительность путешествия должна была составить 640, 5 лет (немного более 384 субъективных лет). Каждый колонист пробуждался для упражнений семь раз. Таким образом колонисты потратили на путешествие примерно по 4, 5 года жизни (и все свои деньги).

На шестьдесят процентов колонисты состояли из жителей Западной Европы, большинство остальных были из Северо-Американской Федерации, островов Карибского моря, было также небольшое количество этнических украинцев. Всего в экспедиции приняло участие 38 000 взрослых и 13 000 детей. «Права» на систему были приобретены с аукциона у исследовательской фирмы *Franchot et Fils* с головным офисом в Париже на Старой Земле. FF (так обычно называли эту фирму) имела заслуженно высокую репутацию. Их корабль-разведчик «Suffren» преодолел дистанцию до Мантикоры всего за двадцать лет и выполнил свою задачу с обычным для сотрудников FF профессионализмом, не забыв приложить к данным предупреждение о том, что к моменту прибытия колонистов все данные устареют на 650 лет. FF продала права на систему Мантикоры «Мантикорской Колонии Лтд.» примерно за 5, 75 миллиардов евро. Как часть процесса передачи прав, FF удалила все данные по системе из своих баз данных, передав информацию в максимально защищенные базы данных Федерального Правительства Земли. Это было стандартной процедурой для защиты колонии Мантикоры от оккупации планеты более поздней экспедицией на более быстром корабле, так как к тому времени успехи в технологии

гиперпространственных путешествий сделали необходимость в такой защитной мере очевидной для всех, хотя, конечно, одной этой меры было недостаточно чтобы гарантировать защиту колонистов от оккупантов. Именно поэтому Роджер Винтон, президент и генеральный директор «Мантиторской Колонии Лтд.» (к тому моменту уже избранный первым Планетарным Администратором), предпочел основать Фонд Колонии Мантиторы в Цюрихе.

Целью Фонда было вложить все остатки средств после комплектования экспедиции (немногим меньше одного миллиарда евро) и использовать проценты с этой суммы чтобы присматривать за соблюдением прав колонистов на их новый дом. Это было мудрое решение, ибо когда «Язон» прибыл в систему Мантиторы 21 марта 1416 года э.р. его команда обнаружила небольшое поселение на планете которую они назвали Мантиторой, но было оно основано персоналом Фонда который, кроме того, держал в системе четыре фрегата земной постройки для защиты ее от оккупантов. Фонд распоряжался средствами настолько хорошо в течении шести веков, что Мантиторы обнаружила себя владельцем кругленького счета, а фрегаты стали первыми судами Флота Мантиторы (позднее Королевского Флота Мантиторы). Кроме того сотрудники Фонда прихватили с собой базы данных и инструкторов, чтобы обучить колонистов технологиям появившимся за шесть веков. Последнее стало бонусом не предвиденным даже Винтоном, и чрезвычайно веским доводом чтобы восхититься как своим собственным решением, так и старательностью и предвидением сотрудников Фонда.

Колония имела прекрасную поддержку и финансы, но после сорока лет процветания, в 1454 году э.р., разразилась катастрофа.

Цена Мантиторы на аукционе была столь велика по двум причинам. Первая, это то, что система двойной звезды имеющая целых три планеты пригодных для обитания была явлением чрезвычайно редким — на самом деле даже уникальным. Вторая, это то, что Мантиторы и Сфинкс, две землеподобных планеты

обращающихся вокруг звезды класса G0 были чрезвычайно похожи на Землю. На каждой, конечно, была собственная биосфера, но исследования разведчиков показали, что земные формы жизни с необычайной легкостью адаптируются на любой из трех планет, и это подтвердилось. Земные растения росли хорошо, а местная фауна, хотя и не в полной мере восполняла потребность в необходимых веществах, была вполне съедобной для землян. Тетраформирование, таким образом, свелось к посевам пищевых и кормовых культур. К сожалению такая простота адаптации имела и обратную сторону и Мантикора оказалась одной из очень немногих планет породивших микроорганизмы способные поражать человека.

Виновником беды стал вирус — точнее говоря семейство вирусов — упущенный разведчиками при анализе. Некоторые вирусологи, впрочем, считали, что вирус не был пропущен, а развился на планете за те шесть веков, что прошли между разведкой и колонизацией. Другие же доказывали, что вирус мутировал от земного предка. Кто бы из них не был прав, вирус был смертоносным, вызывающим у своих жертв одновременно симптомы гриппа и пневмонии. Хуже того, он оказался устойчивым ко всем известным лекарствам и прошло десять лет прежде чем удалось создать вакцину.

За это десятилетие умерло почти шестьдесят процентов населения колонии. Дети рожденные на Мантикоре оказались более устойчивыми к этому заболеванию, но все равно — без поддержки Фонда Колонии Мантикора с Земли колония безусловно бы вымерла.

В результате эпидемии колонии потребовались новые люди. Их нанимали на Старой Земле (еще раз порадовавшись существованию Фонда Колонии Мантикора), но первые колонисты, озабоченные сохранением контроля над своим миром, приняли совершенно новую конституцию прежде чем открыть двери иммигрантам.

Роджера Винтона переизбирали Планетарным Администратором весь период первоначальной колонизации и эпидемии. К этому моменту он уже был стар (более восьмидесяти лет), его жена и двое сыновей рожденных на Земле умерли во время эпидемии, но он

остался энергичным человеком, а его дочь Елизавета, рожденная на Мантикоре, проявила себя не менее достойно чем он. В свои пятьдесят три она была президентом совета директоров (читай вице-президентом колонии) и одним из самых уважаемых юристов Манतिकоры. Учитывая выдающуюся службу этой семьи на благо колонии конвент акционеров колонии учредил конституционную монархию и короновал Роджера Винтона 1 августа 1471 года э.р.

На этом посту он пробыл только три года до своей смерти. Ему унаследовала его дочь, Елизавета I, и с тех пор Винтоны правили Звездным Королевством Мантикора. В то же время выжившие «первоначальные акционеры» и их наследники удерживавшие контроль над обширными землями (включая большинство залежей полезных ископаемых) получили дворянские грамоты. Так появилась наследственная аристократия Манतिकоры.

Новая волна иммиграции состояла из трех различных типов людей. Каждый получал кредит эквивалентный стоимости билета второго класса от Солнечной Лиги до Манतिकоры. Кредит этот мог быть превращен, по желанию владельца, в надел земли на планете или в акции орбитальных индустриальных концернов. Большинство, оказавшись лицом к лицу с девственной планетой предпочли землю, другие сделали вложения в индустрию, что в дальнейшем принесло им немалые деньги.

Тот кто мог самостоятельно оплатить дорогу получал полную стоимость кредита по прибытии, тот кто не мог, получал от Фонда необходимые средства в счет кредита. Если же состояние иммигранта было больше стоимости путешествия, то избыток мог быть им вложен опять-таки в землю или акции за половину цены. Таким образом самые богатые иммигранты стали «вторичными акционерами» и владения их в некоторых случаях могли посоперничать с владениями «первоначальных акционеров» и принесли им дворянские звания, хоть и меньших рангов чем у уже существующих аристократов. Иммигранты получившие и сохранившие (или слегка увеличившие) наделы земли стали

«йоменами», свободными землевладельцами с правом голосовать спустя мантикорский год (1, 73 стандартного земного года) после своего прибытия. Те кто полностью потратил свой кредит на путешествие к Мантикоре стали так называемыми «нулевыми» и не получали права голоса до тех пор пока устроят свою жизнь достаточно хорошо чтобы платить налоги в течении пяти последовательных мантикорских лет (8, 7 земных лет). Хотя, вне зависимости от наличия права голоса, все подданные Мантикоры равны перед законом, есть определенное социальное размежевание между акционерами, йоменами и «нулевыми». До сих пор считается более престижным вести свой род от йомена, чем от «нулевого», хотя, конечно, вести род от акционера престижнее всего.

Конституционная монархия Мантикоры процветала в последующие пятьсот лет благодаря серии сильных монархов и постоянно растущему населению. В конституции была предусмотрена «Декларация Основных Прав», но право голоса было ограничено только для тех кто платил налоги пять лет подряд. Практика привлечения иммигрантов при помощи кредита была завершена через пятьдесят лет, полностью выполнив свою задачу, и более было невозможно для иммигранта стать акционером или получить право голоса немедленно по прибытии.

Согласно Конституции были учреждены двухпалатный Парламент, Королевский Совет и Королевский Суд. Парламент состоит из Палаты Лордов и Палаты Общин, каждая из которых имеет право вето. Монарх имеет право законодательной инициативы и также право вето. Исполнительную власть представляет собой Королевский Совет, состоящий из премьер-министра, министров и нескольких членов передающих свой пост по наследству. Среди таких Хранитель Печати, наследник престола (с правом совещательного голоса) и монарх. Фактически Королевский Совет (в последнее время называемый просто «Кабинет») стал инструментом, с помощью которого монарх действует как глава правительства, так же как глава государства. Премьер-министр традиционно назначается

из состава Палаты Лордов, но должен иметь поддержку большинства в Палате Общин. Формально руководит кабинетом именно он, но король или королева могут в любой момент отправить его в отставку и в большинстве случаев премьер-министр является правой рукой монарха. В то же время было бы глупостью со стороны монарха, умышленно или нет, игнорировать советы его министров и особенно премьер-министра.

Монарх имеет право на амнистию и помилование, назначает министров и судей по представлению и с согласия палаты Лордов. Так же имеет право толкования конституции посредством назначенных им членов Королевского Суда, хотя большинством обеих палат Парламента его решение может быть преодолено. С согласия большинства в палате Общин монарх может учредить новых пэров.

В случае разногласий между монархом и обеими палатами Парламента, окончательное решение принимает палата Лордов и в этом случае право вето монарха или палаты Общин не применяется. Основные гарантии соблюдения интересов простого населения королевства заключаются в трех следующих прерогативах палаты Общин: именно палата Общин принимает (или отвергает) бюджет; конституция требует, чтобы премьер-министр пользовался поддержкой большинства в палате Общин; палата Общин может инициировать процедуру импичмента монарха.

Экономическую политику в целом и бюджет в частности определяет, конечно, кабинет, а не палата Общин. Кроме того, Корона может использовать средства принадлежащих ей земель и промышленных предприятий, но, очевидно, ни Корона, ни палата Лордов не могут полностью игнорировать голос Общин, если те в ответ откажутся утверждать бюджет. Дополнительная гарантия того, что мнение простых людей не будет проигнорировано наверху, заключается в том, что премьер-министр должен иметь поддержку большинства в палате Общин (а вот поддержка большинства лордов не является *необходимой* , хотя большинство премьер-министров

терявших такую поддержку были вынуждены подать в отставку). И, наконец, монархия Мантикоры одна из очень и очень немногих предусматривающих возможность смещения монарха по причине отличной от его недееспособности или преступных действий. В принципе, импичмент монарху может быть инициирован *по любой причине*, набравшей две трети голосов в палате Общин. Палата Лордов не имеет права инициировать импичмент. Завершение же процедуры смещения монарха требует большинства в три четверти голосов как в палате Общин, так и в палате Лордов. Эта конституционная процедура еще никогда не была применена и большинство рассматривают ее как рудимент домонархической правовой системы, однако с возможностью импичмента приходится считаться.

Последнюю меру, направленную на предотвращение «отрыва» монархии от неаристократического большинства населения, внесли в Конституцию по личному настоянию Роджера I и Елизаветы I. Наследник престола обязан сочетаться браком с простолюдином. Это не касается прочих членов правящей семьи, но кронпринц (или кронпринцесса) должны найти себе пару за пределами круга аристократов.

Единственную серьезную угрозу монархическому строю представило так называемое «Восстание Грифона» 1721 года э.р., самая серьезная внутренняя проблема из всех с которыми приходилось сталкиваться Мантикоре. На Грифон, наименее землеподобную из планет системы Мантикоры, пришлось минимальное число «первоначальных акционеро́в», так как первое поселение на нем было основано только через пятнадцать лет после Чумы. Основная часть аристократии Грифона произошла от «вторичных акционеро́в» и, по большей части, их земельные владения были относительно невелики. Кроме того, монарх учредил на Грифоне «Коронные земли» (земли доступные для использования любым, изъявившим желание) чтобы простимулировать эмиграцию. К 1715 году население на Грифоне достигло уровня

предусмотренного Хартией Коронных Земель 1490 года. С этого момента, в соответствии с хартией, Корона приступила к передаче прав владения на Коронные земли и раздаче титулов крупным успешным землевладельцам. С этого-то и начались проблемы. Йомены, надеявшиеся стать независимыми скотоводами, фермерами и рудокопами, заявили, что планетные аристократы силой выживают их с их земли. И в самом деле, между «скваттерами» и «детьми акционеро́в» практически велась необъявленная война. После двух лет нараставшего кровопролития была учреждена специальная комиссия с чрезвычайными полномочиями для того чтобы остановить волну насилия и урегулировать конфликт.

Финальным выводом комиссии стало то, что исходные жалобы йоменов были обоснованы. Армейским частям, введенным на Грифон с миротворческой миссией, было предписано обеспечить надзор за процессом приватизации Коронных земель. Определенный уровень недовольства между мелкими землевладельцами и некоторыми из аристократических семейств сохраняется по сей день, но это стало скорее традицией, чем открытой враждой.

Календарь Мантикоры

До сих пор все приведенные даты были в земном стандарте времяисчисления. Но, подобно каждой колонии, в системе Мантикоры пришлось устанавливать собственный календарь, отражающий периоды осевого и орбитального обращения обитаемых планет. В случае Мантикоры все осложнял тот факт, что в отличие от большинства систем, имеющих только одну обитаемую планету, в наличии имелось три планеты с разными по продолжительности сутками и годами.

Как и все человечество, мантикорцы используют стандартные секунды, минуты и часы, и год Старой Земли используется как «стандартный год» для того чтобы пересчитывать локальные даты при общении с остальным миром. Звездное Королевство Мантикора следует традиции отсчета дат от начала эры Расселения (то есть от года старта первого корабля-колонизатора) в стандартных годах на равных с локальным календарем.

Официальная система времяисчисления королевства базируется на периодах осевого и орбитального обращения третьей планеты Мантикоры-А, собственно планеты Мантикора. Этот календарь используется для всех официальных записей, но реально не имеет применения нигде, кроме как непосредственно на Мантикоре. Соответственно и Сфинкс (четвертая планета Мантикоры-А), и Грифон (четвертая планета Мантикоры-Б) имеют собственные календари. Это привело к тому, что в пределах одной системы используется четыре календаря (считая и земной стандарт). Нет необходимости подчеркивать, что в стандартный комплект программ любого Мантикорского компьютера обязательно входит программа пересчета дат.

Часы повсеместно отсчитывают время в стандартных шестидесятиминутных земных часах, с добавлением короткого «часа» называемого «компенсатор», чтобы соответствовать реальной продолжительности суток. Так, на планете Мантикора сутки состоят

из 22 полных часов (от 01:00 до 22:59) и 27-минутного компенсатора, а на Сфинксе в сутках 25 часов (от 01:00 до 25:59) и 37-минутный компенсатор. Неделя на каждой планете состоит из семи местных дней. На борту военных кораблей используется Мантикорское время.

Продолжительность официального года королевства 673 дня. Год делится на 18 месяцев, 11 по 37 дней и 7 по 38 чередуя их в первых 6 и последних 8 месяцах года. Месяцы не имеют имен собственных, а называются первым, вторым и так далее. Каждый третий год — високосный, получается добавлением одного дня к четвертому месяцу. На Грифоне год также поделен на 18 месяцев. Все месяцы, за исключением двух, по 36 дней. Девятый и десятый месяцы — по 37 дней. Високосный год — каждый второй, день добавляется к одиннадцатому месяцу. На Сфинксе же год поделен на 46 месяцев, 35 по 39 дней и 11 по 38 дней. Более короткие — четные месяцы с двенадцатого по тридцать второй. Каждые семь лет наступает високосный год с дополнительным днем в пятнадцатом месяце. Все эти календари считают года «после посадки» (сокращение п.п.) от дня (21 марта 1416 года э.р.) приземления первых шаттлов с «Язона». Очевидно, что по каждому календарю идет свой год после посадки. Так, к примеру, назначение Хонор Харрингтон на «Бесстрашный» датировалось 25 четвертого 280 п.п. (по официальному календарю, или, что тоже самое, по календарю Мантикоры), что соответствует 3 марта 1900 э.р. (по стандартному календарю) или 26 второго 93 п.п. (по Сфинксианскому календарю). Такое разнообразие датировок — основная причина того, что мантикорцы предпочитают использовать стандартный календарь даже тогда, когда ведут речь о местных событиях.

Дом Винтонов

Роджер I 1471—1474 э.р. (32—34 п.п.)

Елизавета I 1474—1507 э.р. (34—53 п.п.)

Михаил I 1507—1539 э.р. (53—72 п.п.)

Эдуард I 1539—1544 э.р. (72—74 п.п.)

(утонул катаясь на лодке; после него власть перешла к его сестре)

Елизавета II 1544—1601 э.р. (74—107 п.п.)

Давид I 1601—1642 э.р. (107—131 п.п.)

Роджер II 1642—1669 э.р. (131—147 п.п.)

Адрианна I 1669—1681 э.р. (147—154 п.п.)

Вильям I 1681—1690 э.р. (154—158 п.п.)

(убит)

Вильям II 1690—1741 э.р. (158—188 п.п.)

Катрин I 1741—1762 э.р. (188—200 п.п.)

Саманта I 1762—1785 э.р. (200—214 п.п.)

Джордж I 1785—1802 э.р. (214—224 п.п.)

Саманта II 1802—1857 э.р. (224—255 п.п.)

Роджер III 1857—1883 э.р. (255—270 п.п.)

Елизавета III 1883 э.р. — по настоящее время (270 п.п. — по настоящее время)

Внутренняя политика

Мантиторские политические партии зародились как группировки в палате Лордов и в палате Лордов они по сей день сохраняют характер группировок.

Конституция, принятая после Чумы, предусматривала сохранение власти в основном в руках аристократии посредством палаты Лордов и Королевского Совета, но на деле получилось не совсем так. Хотя Роджер Винтон и был весьма сильным планетарным администратором, маловероятно чтобы создатели Конституции имели в виду передачу функции исполнительной власти в руки монарха. Тем не менее Елизавета I, будучи *очень* жестким администратором, быстро поняла, что мантиторские пэры скорее представляют из себя группу лоббистов чем государственных деятелей. Играя на интересах различных группировок пэров Елизавета сумела добиться (помимо многого другого) того, чтобы премьер-министр и все назначаемые члены Королевского Совета плясали под ее дудку. Да, пэры предлагают и согласовывают их кандидатуры, но у *нее* оказалась власть отправить правительство в отставку в любой момент, и ее не могли вынудить принять чью-либо кандидатуру. Этот принцип, упрятанный в неписаной части Конституции, утвердил власть монарха над правительством.

Как царствующий дом, Винтоны проявили себя чрезвычайно способными. На этом поле составить конкуренцию им могла разве что императорская династия Андермана. Но Андерманы, несмотря на все бесспорные свои достижения, вечно страдали от опасной эксцентричности своих представителей, чего никогда не было замечено за кем-либо из Винтонов.

Тем не менее, однажды пэры осознали, что Корона перехватила (кто-то наверняка сказал бы узурпировала) немалую долю политической власти, которую они считали находящейся в их руках и руках их детей. Осознали они и то, что этот маневр Елизаветы прошел при полной поддержке палаты Общин (избираемой, в

основном, голосами йоменов и бывших «нулевиков»), поскольку Общины, в свою очередь, распознали подтасовки в конституции не в свою пользу. Как пример: хотя обе палаты и имеют право вето, в случае любого спора между ними Лорды имеют то громадное преимущество, что им нет нужды заботиться о переизбрании.

Осознав все это — и уладив большинство своих первоначальных свар — пэры принялись создавать политические партии. В основном они вырастали вокруг первоначальных группировок, но постепенно начали возникать и чисто идеологические разногласия. По мере укрепления этих разногласий в поисках союзников пэры обратили свой взор в сторону палаты Общин. Аристократы, не нуждающиеся в переизбрании, по сей день возглавляют большинство политических партий, но жизнь научила их прислушиваться к мнению парламентариев из Общин. Большинство (хоть и не все) мантикорских аристократов придерживаются принципа *noblesse oblige*³ (а не придерживаются некоторые претенденты на титул самой эгоцентричной и нетерпимой личности вселенной), но без учета мнений союзников из нижней палаты аристократы быстро теряют поддержку населения с печальными последствиями после следующих выборов в палату Общин.

Не смотря на все это и по сей день партии Звездного Королевства представляют собой скорее альянсы личностей с близкими интересами, чем закрытые идеологические системы. Партийная дисциплина при голосовании с малым перевесом может быть впечатляющей, но нет никакой «коллективной дисциплины» в том смысле, что член партии не обязан публично поддерживать то с чем он сам не согласен просто потому, что так считает большинство его партии. Депутаты нижней палаты чаще чем пэры «голосуют за линию партии», но на Мантикоре сильна традиция голосовать по убеждениям и в большинстве политических партий есть свои «центристы», «правые» и «левые».

Наиболее влиятельные партии это: партия центристов; обычно союзные им лоялисты; либеральная партия; ассоциация

консерваторов; партия прогрессистов и, наконец, так называемая партия «новых людей».

Центристов возглавляет Аллен Саммерваль, герцог Кромарти, в настоящее время занимающий пост премьер-министра. Они представляют собой самый крупный блок в парламенте, хотя и не составляют сами по себе большинства. Центристы придерживаются консервативной внутренней политики постепенных перемен и финансовых ограничений, противостоят попыткам массовых социальных реформ и не допускают дефицита бюджета. Самое важное, что они абсолютно привержены идее защиты Мантикоры от нарастающей последние пятьдесят лет угрозы со стороны хевенитов, веря, что рано или поздно открытое военное столкновение неизбежно и оттягиванием времени эту проблему не решить. В частности центристы уверены, что предложение дожидаться ослабления Республики, как бы привлекательно не выглядело, представляет собой уступку инициативы врагу и, тем самым, первый шаг к поражению. Кроме того, они, в отличие от некоторых других политиков, уверены в способности Мантикоры выдержать войну с Хевеном, и в том, что даже поражение в войне не намного хуже трусливой капитуляции. Центристы поддерживали программу Роджера III по усилению флота и добивались в Парламенте аннексии Василиска (звезды класса G5 с единственной обитаемой планетой) чтобы предотвратить оккупацию Хевеном терминала сети в этой системе, а в то время аннексия казалась чрезвычайно противоречивой мерой. Некоторые критики расценили ее как первый преднамеренный шаг к построению империи; другие боялись, что это наоборот спровоцирует Хевен на войну. Впрочем большинство подданных королевы Елизаветы поддержали аннексию. Среди всех партий возглавляемых аристократами центристы имеют наибольшую поддержку в палате Общин, что дает им даже больше влияния, чем можно было бы предположить глядя на цифры.

Лоялисты, возглавляемые Генри МакШайном, маркизом Нового Дублина, представляют из себя мантикорский вариант тори.⁴

Краеугольный камень их политической философии — это вера в то, что стабильность и процветание Мантикоры обеспечивается исключительно монархом, его властью и авторитетом. Время от времени у лоялистов случаются разногласия с монархом, но они стараются протестовать и увещевать частным порядком, демонстрируя тем временем безусловную поддержку на публике. Влияние лоялистов в палате Общин практически несущественно. Их воспринимают как партию верхушки аристократии, и, несмотря на заслуженное уважение, многие (даже среди центристов) полагают их негибкими, склонными любой вопрос рассматривать исключительно в плане его воздействия на власть монарха (и влияние аристократии). Считается также, что лоялисты будут препятствовать любой реформе ослабляющей Корону вне зависимости от того, какие выгоды она сулит в прочих отношениях. Лоялисты в целом поддерживают центристов во внешней политике, но их отношение к финансовой политике намного более консервативное. В частности они полагали довоенный уровень налогообложения чрезмерным. Такая позиция зачастую ставит их перед затруднительной необходимостью одновременно поддерживать программу расширения флота и противодействовать увеличению военных расходов.

Либеральная партия, возглавляемая Марицой Тернер, графиней Нового Киева, ставит во главу угла социальные реформы и уделяет мало внимания проблемам внешней политики. Их представительство в палате Лордов больше чем у лоялистов, но меньше чем у центристов. Поддерживающая их фракция палаты Общин невелика, но чрезвычайно лояльна. Несмотря на отсутствие теплых чувств к Народной Республике Хевен, либералы находят привлекательными основные идеи Декларации Экономических Прав (см. раздел «Республика Хевен» далее). По их мнению довоенных лидеров Законодателей можно было бы назвать «плохими либералами» попавшими в ловушку «охлократической»⁵ системы Хевена. Либералы заявляют своей целью «вести Звездное Королевство в русло современной политической мысли», то есть расширение

системы льгот, субсидии нуждающимся, выравнивание благосостояния и формирование правительства с учетом представительства в Парламенте. Их мало занимает вопрос внешней угрозы, довоенную позицию центристов они называли «алармистской» и верили что Хевен не рискнет посягнуть на Мантикору (тем более, что Солнечной Лиге может не понравится угроза захвата туннельной сети) и в конце концов угомонится. И вообще они спокойнее других относились к официальной довоенной идеологии Народной Республики. Поскольку либералы столь склонны к расходам на социальные программы, они буквально дрались за каждый пенни предназначенный флоту. Такая позиция стоила им изрядной потери голосов после начала войны. И несмотря ни на что либералы продолжают повторять: «война ничего не решит».

Ассоциация консерваторов, возглавляемая Мишелем Жанвье, бароном Высокого Хребта, по численности наименьшая из политических партий и собрала в себя реакционеров. Они выступают за политику изоляционизма, призывают отказаться от «иностранных авантур» и постоянно осуждают «порчу либерализма, ведущую Мантикору к анархии». Как и следовало ожидать, под знамена ассоциации собрались сумасброды из аристократии, считающие, что лоялисты недостаточно защищают их привилегии. Доходит до призывов «вернуться к исходному балансу власти», хотя таковой не существовал никогда кроме как в теории. Естественно аннексию Василиска консерваторы не называли иначе как сумасшествием, авантюрой, которая приведет к конфронтации с внешними силами. Тем не менее в их лице Роджер III и герцог Кромарти нашли поддержку своим планам усиления флота именно из-за их политики изоляционизма.

Третья по величине фракция парламента — прогрессивная партия, возглавляемая совместно графом Серого Холма и леди Элен Декро и занимающая во многих отношениях позицию близкую к либеральной партии. Прогрессисты разделяют стремление центристов избегать дефицита бюджета (который, по мнению

либералов, представляет собой приемлемую, временную меру), хотели бы добиться «лучшего, более выгодного баланса между социальными программами и военными расходами», и, по примеру либералов, выражают недовольство внешней политикой. В отличие от либералов они никогда не расценивали отношение правительства к Хевену (который они приводят как пример вышедшего из под контроля обанкротившегося либерализма коррумпированного политиками) как алармистское. С другой стороны они считали (и, по-видимому, продолжают считать), что у Манतिकоры нет шансов выстоять в открытом противостоянии с военной машиной Хевена. (С момента начала военных действий прогрессисты неоднократно делали заявления о своей уверенности в победу Манतिकоры, но их противники считают что это прикрытие. Есть основания полагать, что таким образом прогрессисты пытаются продемонстрировать, что их стремление разрешить конфликт путем переговоров и уступок основано на уверенности в победе, а не на страхе.)

Поскольку прогрессисты в первую очередь озабочены внутренними проблемами, их внешняя политика традиционно чрезвычайно проста и основана на вере в то, что «честные переговорщики» всегда могут достичь решения по принципу «живи и давай жить другому». До войны критики из числа центристов и лоялистов утверждали, и небезосновательно, что такая позиция сводится к попытке продать всю остальную галактику в попытке спасти собственную шкуру и должна неизбежно привести к катастрофе, когда продать Хевену будет больше нечего. Хотя такой анализ и нельзя назвать неаккуратным, но было бы неправильно выдавать его конечный результат за цель политики прогрессистов, как пытались некоторые критики. Главная проблема прогрессистов именно в том, что они не уделяют должного внимания внешней политике, полагаясь на банальности и неопределенные надежды вместо качественного анализа. В результате начало войны с Хевеном выбило опору из под их ног.

Партия «новых людей», возглавляемая сэром Шериданом Уоллесом, представляет собой сравнительно новую группировку озабоченную концентрацией власти в руках существующих клик аристократии и богатейших торговцев и промышленников. Они утверждают, что традиционная Мантикорская практика привлечения способных и амбициозных индивидуумов в одну из этих двух групп ошибочна. Центристы и лоялисты полагают такую практику гарантией притока новых идей в круги аристократии и финансовой элиты, а либералы и прогрессисты просто называют саму концепцию аристократии антидемократическим анахронизмом. «Новые люди» же называют эту практику преднамеренным и неприкрытым механизмом удержания власти в руках традиционных правящих элит. Это может показаться похожим на позицию либералов, если не понимать, что основной протест вызывает не само по себе наличие элиты, а то, что «новые люди» в нее не входят. В итоге «новые люди» служат противовесом консервативной ассоциации в руках мелкого дворянства, постоянно устраивая наскоки на бастионы власти и укоренившихся привилегий. Однако, в отличие от либералов и прогрессистов, они верят в то, что победитель получает добычу и нацелены на то, чтобы перехватить управление системой, а не опрокинуть ее. «Новые люди» практически не имеют своей финансовой политики и в целом разделяют изоляционизм консерваторов, но при этом не доверяют военным, как одному из «бастионов власти». В целом можно сказать, что «новые люди» находятся в оппозиции к каждому. Их поддержка в палате Общин меньше чем у кого бы то ни было, но отличная партийная дисциплина дает Уоллесу возможность организовать их голоса желаемым образом. Учитывая готовность «новых людей» заключать исключительно прагматические сделки с кем угодно это дает им намного больше влияния чем можно было бы заключить из их численности.

Кроме перечисленных партий есть еще несколько небольших фракций, которые собираются и распадаются, обычно вокруг

харизматического лидера. Основная же борьба за власть идет между альянсами центристов/лоялистов и либералов/прогрессистов, из которых первый удерживает небольшое преимущество в палате Лордов и куда большее в палате Общин. Союз либералов и прогрессистов более крепок, глубок и постоянен, в основном по причине того, что и те и другие расценивают любое усилие во внешней политике как уклонение от решения насущных проблем. Центристы и лоялисты зачастую оказываются по разную сторону баррикад по вопросам внутренней политики, но всегда выступают единым фронтом в вопросах политики внешней и военного строительства. Те и другие пользуются поддержкой Короны, что есть несомненный плюс, хотя лоялисты и не разделяли довоенной готовности центристов принять (кое-кто говорил «накликать») конфронтацию с Хевеном. Обычно позиция консервативной ассоциации по вопросу поддержания мощи флота смещала баланс в целом в пользу этих двух партий. Хотя и существовала всегда возможность для ассоциации заключить пакт по внешней политике с либералами и прогрессистами, но фундаментальное неприятие внутренней политики друг друга не дало бы такому альянсу просуществовать долго. Настоящий же джокер в колоде — это «новые люди». Хоть и немногочисленные, они имеют достаточно мест в палате Лордов, где преимущество центристов и лоялистов минимально. Никто, конечно, не верит, что «новые люди» смогут до бесконечности поддерживать либералов или прогрессистов, уж слишком велики различия в подходе к внутренней политике, но возможность заключения временного союза с целью сломить позицию центристов и лоялистов даже не ставится под сомнение. Это будет циничный брак по расчету с обеих сторон с подспудным пониманием что, повергнув общего врага, либералы, прогрессисты и «новые люди» передерутся между собой. Настоящий кошмар герцога Кромарти и его союзников — это мысль о том, что «новые люди» добьются столь близкого паритета между основными блоками, что

смогут полностью контролировать Парламент просто решая кого следует поддержать.

Мантиторская туннельная сеть

Общие сведения о туннельных сетях

Туннельная сеть состоит из центрального узла и связанных с ним терминалов (называемых также «вторичными терминалами»). Центральный узел связан с каждым из терминалов в обоих направлениях и эти связи обычно называют «туннельными переходами». Каждая сеть имеет предел пропускаемой за один раз массы, но предел этот относится к каждому из переходов независимо.

Перемещение возможно от центрального узла к терминалу, или от терминала к центральному узлу, но не между терминалами непосредственно. Отдельные переходы независимы в том смысле, что максимальная масса может быть переброшена одновременно по всем переходам.

Каждый раз, когда корабль или корабли совершают переход, тот дестабилизируется на короткое время, и это время зависит от переброшенной массы. Таким образом чем массивнее «посылка», тем дольше период нестабильности.

Центральный узел наиболее гибкий, но и, в военном смысле, наиболее уязвимый из элементов туннельной сети. С него могут быть отправлены отряды максимальной массы ко всем вторичным терминалам практически одновременно, но подкреплениям придется дожидаться пока переходы стабилизируются. Аналогичным образом соперник, контролирующий два и более терминалов одной сети, может направить через каждый из терминалов по группе кораблей максимальной массы к центральному узлу. Именно поэтому у Звездного Королевства Мантикоры вызывает столь серьезную озабоченность возможность какой-либо из враждебно настроенных сил (таких как Народная Республика Хевен) захватить контроль над более чем одним терминалом Мантикорской туннельной сети.

Туннельная сеть Манतिकоры

Манतिकорская туннельная сеть была открыта в 1585 году э.р. (98 п.п.). Центральный узел располагается в 412 световых минутах от Манतिकоры-А и является крупнейшим из до сих пор открытых, соединяя систему Манतिकоры с не менее чем пятью другими системами: Сигмой Дракона (Солнечная Лига), Грегором (Андерманская Империя), Звездой Тревога (Народная Республика Хевен), Фениксом (Скопление Феникса) и, последним из открытых (в 1856 году э.р./254 п.п.) переходов, с системой Василиска. Кроме того астрофизики Звездного Королевства в настоящее время считают, что полученные ими данные свидетельствуют о наличии еще как минимум одного (а возможно и нескольких) вторичных терминалов ожидающих своего обнаружения.

Открытие туннельной сети стало кладом для Манतिकорской экономики, привлекая громадные объемы грузоперевозок. К сожалению, это сделало королевство игроком галактического масштаба хотело оно того или нет, поскольку военные и империалистические последствия наличия туннельной сети очевидны всем. По понятным причинам за последние 50 стандартных лет бюджет Флота сильно увеличился. Королевство аннексировало первую из планет за пределами собственной системы (Медузу, негостеприимную, но пригодную для обитания планету в системе Василиска) для охраны вторичного терминала. (До 1901 года э.р. Манतिकорские дипломаты прилагали все возможные усилия чтобы обойти вопрос от кого собственно требуется его охранять, хотя относительная близость системы Василиска к Народной Республике Хевен говорила сама за себя. Есть основания полагать, что аннексия прошла столь просто только потому, что в момент открытия терминала на Василиске Хевен был занят другими проблемами.) Поскольку Медуза населена разумной расой, королевство оказалось втянуто в проблемы охраны прав аборигенного населения. И возрастающее давление со стороны Хевенитских «торговцев»

требующих «узаконить торговлю с туземцами» (которым мало что есть предложить на торг) все более усложняло и без того сложную ситуацию.

Планеты Звездного Королевства Мантикора

Мантикора: третья планета звезды Мантикора-А. Столичная планета Звездного Королевства. Диаметр составляет примерно 13 500 км, океаном покрыто 76% поверхности, наклон оси планеты к эклиптике 5° . Плотность планеты немного меньше чем у Земли из-за меньшего содержания металлов в коре (впрочем вполне достаточного для образования значительных залежей минералов). Средняя температура близка к земной, а климат в значительной степени умеренный из-за меньшего наклона оси.

Основные отрасли планетарной промышленности на Мантикоре — это сельское и морское хозяйство, горная добыча, разнообразные предприятия индустриального сектора и научно-исследовательские и инженерные учреждения. Население по состоянию на 1900 год э.р. (280 п.п.) составляло 1, 5 миллиарда. Большая часть верфей и космической индустрии Звездного Королевства Мантикора находится на орбите Мантикоры.

Сфинкс: четвертая планета звезды Мантикора-А. Больше чем Мантикора (диаметр 16 500 км), более массивная и богатая металлами. Сфинкс пригоден для жизни только благодаря парниковому эффекту из-за повышенного содержания углекислоты в атмосфере. Океан занимает 68% поверхности, угол наклона оси планеты — 14° . Учитывая достаточно низкую среднюю температуру, климат Сфинкса значительно более бурный и менее гостеприимный чем у Мантикоры.

Основная промышленность на Сфинксе — это добыча минералов, лесное хозяйство и скотоводство (обширные стада адаптировавшегося земного скота и местных животных). Планетарная индустрия на Сфинксе развивалась медленно, но за последний век добилась заметного прогресса. Население на 1900 год э.р. было 1 миллиард 48 миллионов человек.

Грифон: четвертая планета звезды Мантикора-Б. Размерами (диаметр 13 200 км) и массой наиболее близка к Земле. Океан покрывает только 51% поверхности, наклон оси составляет 27°. С учетом орбитального радиуса (расстояние до более холодной Мантикоры-Б почти такое же как у Мантикоры от Мантикоры-А) получаем жесткий «континентальный» климат с очень холодной зимой и (относительно) знойным летом. Биосистема Грифона наименее подобна земной из всех обитаемых миров Звездного Королевства. Привезенный колонистами скот не смог на нем прижиться. Зато импортированный с Беовульфа (система Сигмы Дракона) в 1612 году э.р. (113 п.п.) генинженерный вариант равнинного буйвола адаптировался феноменально удачно. С тех пор два основных предмета экспорта королевства — это буйволиные шкуры и мясо. Вдобавок мех грифонского кодиака считается одним из самых ценных в галактике, хотя Мантикорская Хартия Заселения довольно жестко ограничивает количество добываемой пушнины.

Грифон беден металлами (по сравнению с Мантикорой и Сфинксом) и большую часть планетарной промышленности составляет сельское хозяйство. Суровый климат сделал его наименее привлекательным для колонизации, но это же привело к тому, что на нем осталось наибольшее количество свободных земель (особенно учитывая малую площадь океана). Последние два или три поколения возрастает количество желающих рискнуть поселиться на Грифоне, что собирает там особенно энергичное население. Кроме того Грифон имеет *в целом* больше индустрии чем Сфинкс несмотря на бедность минералами за счет разработок в обширных поясах астероидов Мантикоры-Б. Разработки в поясе Единорога (в основном проводимые филиалом компании «Минералы Грифона Ltd.» принадлежащей картелю Гауптмана) производят львиную долю руды королевства. Большинство же грифонцев не желающих пасти буйволов нанимаются так или иначе на бурно растущие околопланетные стройки и производства. Возможно из-за такой космической ориентации грифонцев непропорционально много среди

персонала Королевского Флота Мантикоры. На самом деле выходцы с Грифона становятся лучшими старшинами, считающими своей богоданной миссией держать в форме неженок с Мантикоры-А.

По состоянию на 1900 год э.р. население Грифона составляло 575 миллионов человек, а население астероидных поясов — 298, 5 миллионов.

Межзвездная политика и империализм

Возникновение государств

мультисистемных

До изобретения парусов Варшавской межзвездная торговля, равно как и война, была невозможна. Единственную практическую пользу гиперкорабли могли принести там, где потенциальный выигрыш стоил риска потери корабля и экипажа — например разведка новых миров — и обычно занимались этим не государства, а частные компании, в основном со Старой Земли или старейших колоний, платившие команде по-настоящему щедро. Получив плату авансом и инвестировав ее на время путешествия, разведчик мог обеспечить себя до конца жизни уже после первого полета. Тем не менее не было недостатка в желающих повторить полет. Притяжение неизвестного, жажда открытий заставляли людей испытывать свою удачу снова и снова — зачастую до полного ее исчерпания, — а границы исследованного пространства расширялись неуклонно несмотря на потери.

Однако о постоянных маршрутах, которые могли бы сделать выгодными межзвездные грузоперевозки, не могло быть и речи, да и не могли позволить себе торговцы платить команде такие зарплаты как у разведчиков. Причины, по которым колонисты предпочитали корабли с анабиозными камерами гиперкораблям, не в меньшей степени относились к военным. Расстояние между звездами ограничивало войны пределами одной отдельно взятой системы.

Парус Варшавской изменил ситуацию. Скорости росли по мере освоения верхних гиперполос и картографирования гравитационных потоков. Предела размерам гиперкорабля с парусом Варшавской и компенсатором инерции практически не было. Гигантские корабли может и были медленнее мелких, но все же очень и очень быстры, а количество перевозимых грузов поражало воображение.

Первые межзвездные боевые корабли были (по-видимому неизбежно) пиратскими. Для защиты системы не нужны гиперкорабли, все равно атакующему придется выйти в нормальное

пространство где его смогут достать досветовые корабли с импеллерными двигателями. В течении столетий межзвездные расстояния препятствовали межсистемной конкуренции в любой форме. Тем не менее люди за это время не изменились заметным образом и появление новоявленных «викингов» промышлявших на недавно заселенных или слабо защищенных колониях было почти ожидаемо. Как минимум одиннадцать колоний сменили владельца силовым путем за первые полвека использования паруса Варшавской, а финансировали флибустьерские экспедиции во многих случаях «респектабельные» корпорации. Тем временем, вместе с ростом межзвездных грузоперевозок, появлялись настоящие независимые пиратские эскадры. Как и следовало ожидать, угроза коммерции привела к созданию флотов межзвездных военных кораблей для защиты торговых маршрутов.

Флоты эти вполне успешно исполнили свою задачу по борьбе с пиратами, но с исчезновением угрозы они не ушли в историю, а зажили своей жизнью. Кроме того появление паруса Варшавской запустило процесс объединения разбросанного меж звезд человечества. Вернулись традиционные причины возникновения раздоров, а открытие феномена туннельных сетей только подлило масла в огонь, ввиду их огромного значения для торговли, расселения и ведения военных действий.

С возрождением возможности вести войну с соседями возникли и мультисистемные государства. Многие в результате мирного объединения, по примеру Солнечной лиги; другие были объединены силой. Отныне никто не считал допустимым забывать о собственной безопасности.

Не считая Звездного Королевства, есть три основные силы с которыми придется иметь дело Хонор Харрингтон: Солнечная Лига, Андерманская Империя и Республика Хевен. Андерманцы, ближайший сосед Звездного Королевства и важный его торговый партнер, все-таки (пока еще) не посягали на Мантикору так, как Лига и Народная Республика которые будут описаны далее.

Солнечная Лига

Состоящая из старейших колоний, Солнечная Лига простирается примерно на девяносто восемь световых лет от Солнечной системы. Старая Земля — столица Лиги, но по сути только первая среди равных, ибо ее дочерние колонии веками (в отдельных случаях дольше тысячи лет) наслаждались независимостью и не захотели терять ее в процессе объединения.

В результате каждый мир входящий в Лигу получил полную внутреннюю автономию. Даже Исполнительный Совет, высший орган исполнительной власти Лиги, не имеет права вмешиваться во внутренние дела планет-членов Лиги. Исполнительный Совет состоит из делегатов со всех входящих в Лигу миров, и каждый из них имеет право вето. Обычное центральное правительство на таких условиях не смогло бы поддерживать сколько-нибудь устойчивый порядок, но есть обстоятельства смягчающие ситуацию.

Во-первых, большинство членов Лиги — богатые, довольные своей жизнью планеты с обширным населением проводящие согласованную внутреннюю политику как по отношению к местным делам, так и к Лиге в целом, и вероятность возникновения между ними разногласий такого накала, чтобы понадобилось применение вето маловероятно.

Во-вторых, члены Лиги растрачивают большую часть своей сварливости в дебатах по внешней политике, полагая безопасным демонстрировать принципиальность именно в этой сфере. Большинство государственных деятелей Лиги понимают, что такой подход лишает их возможности выработать сколько-нибудь устойчивую программу для дипломатов или военных, однако Лига — гигантское образование, сконцентрировавшее величайшее за всю историю человечества богатство и две трети численности человеческой расы — может себе позволить игнорировать внешние угрозы. Военный флот Лиги — величайший в галактике, и они даже

не допускают мысли, что какая-либо комбинация внешних сил может поколебать ее безопасность.

В-третьих, Исполнительный Совет имеет что противопоставить праву вето: большинством в две трети голосов его членов любая планета может быть лишена членства в Лиге. Такая мера никогда не применялась на практике, но одной угрозы ее применения не раз хватало для вразумления особо упрямых делегатов.

Несмотря на отсутствие внятной внешней политики, расширение Лиги практически никогда не прекращалось. Хотя любые формы организованного империализма в лиге невозможны, время от времени независимый мир подает заявку на вступление в Лигу и она практически всегда удовлетворяется. В определенном смысле Лига придерживается политики изоляционизма — готова торговать с кем угодно, поставлять добровольцев для колонизации новых миров, но при этом стоит в стороне от борьбы сил остальной галактики. При всем при том, размер Лиги, ее мощь и история прошений о членстве внушили ей чувство предопределенности судьбы. Согласно ему (и многочисленным прецедентам) любой сосед рано или поздно осознает преимущества членства в Лиге и пожелает присоединиться. Таким образом нет необходимости в завоеваниях, ибо время работает на Лигу и неизбежно приводит к мирной экспансии.

Есть, тем не менее, два исключения из «неимпериалистической» политики Лиги. Первое — это традиция объявлять протекторатом так называемые «планеты третьего мира» возле ее границ. Мотивируется это их уязвимостью от пиратов и эксплуатации менее принципиальными силами. То есть за ними надо присматривать... что развязывает руки торговцам Лиги и готовит почву для вступления в нее нового члена.

Второе исключение — практика расширения статуса протектората на центральные узлы тех туннельных сетей, которые имеют терминалы в пространстве Лиги или в непосредственной близости от нее. Среди таких сетей была и сеть Эревона расположенная примерно в сотне световых лет от «южной» границы

Народной Республики Хевен, но в ее случае попытка провалилась. Республика Эрево́н отказалась от «защиты» Лиги несмотря на близкую угрозу со стороны НРХ. Эрево́н предпочел заключить союз с Мантикорой и положиться на защиту Королевского Флота — скорее всего потому, что невнятная внешняя политика лиги не придавала им уверенности перед лицом экспансионизма хевов.⁶

В самой Лиге нет ни одной туннельной сети, но есть терминалы по меньшей мере пяти сетей. Где получилось, Лига установила контроль над дальним концом туннельного перехода в оборонительных целях несмотря на то, что сделано это было в противоречие с официальной политикой. Впрочем применения силы для этого не потребовалось — Лига могла предложить достаточные экономические и технологические стимулы чтобы большинство миров встретили ее распростертыми объятьями.

Наиболее важная сеть не попавшая под контроль Лиги — это Мантикорская туннельная сеть. Исторически Мантикора поддерживала с лигой благожелательные отношения, но не проявляла никакого желания попасть под управление ее бюрократии. Сочетание прибыли получаемой от сети и постоянно растущего населения ее трех планет сделало для мантикорцев традиционные приманки Лиги менее привлекательными чем для других. В последние тридцать лет, однако, отношения между Лигой и Мантикорой подпортил теневой конфликт с Народной Республикой. Более всего Звездное Королевство беспокоило возможность хевов купить современные технологии вооружений у Лиги и тем самым встать на уровень с Королевским Флотом. В попытке предотвратить такое развитие событий правительство Кромарти предприняло экономическое давление на Лигу с целью вынудить Исполнительный Совет ввести технологическое эмбарго. Это им удалось, но только ценой испорченных отношений.

Народная Республика Хевен

Хотя система Хевен расположена в 667 световых годах от Старой Земли — на 155 световых лет дальше чем Мантикора — первый шаттл опустился на поверхность планеты (также названной Хевен) в 1309 году э.р., более чем за столетие до колонизации Мантикоры. Так случилось из-за революционных изменений скорости колонизации после изобретения парусов Варшавской. День на Хевене длиной в 24, 56 стандартных часа. Год состоит из 412, 25 местных дня и делится на 13 месяцев: 9 по 32 дня и 4 по 31 дню. Короткие месяцы третий, пятый, десятый и двенадцатый. Каждые четыре года к третьему месяцу добавляется тридцать второй день.

Хевен расположен в очень привлекательном регионе с необычно высоким числом звезд классов F, G и K, поэтому первичную экспедицию финансировали целых одиннадцать корпораций с планет-членов Солнечной лиги. Сама планета Хевен оправдала свое имя — обладая идилическим климатом и не ставя препон адаптации земных животных и растений. Привлекательность Хевена, приправленная грамотным пиаром, оказалась просто магнетической и число новых колонистов росло невиданными темпами. К 1430 году э.р. население Республики Хевен выросло почти до миллиарда и она начала предпринимать собственные колонизационные экспедиции. Регион же, несмотря на то, что еще шесть систем были колонизированы до, или почти одновременно с Хевеном, получил название Сектор Хевена. К 1475 году правительство и экономика Хевена имели заслуженную славу высокоэффективных. Политически Хевен представлял собой демократию с многочисленным политически активным средним классом, а в экономике проводил линию либерального капитализма с минимальным вмешательством государства. Учитывая чрезвычайно выгодные стартовые условия, такая комбинация эффективного рынка и гибкого правительства создала стандарт жизни не уступающий большинству миров

Солнечной Лиги и была предметом зависти и подражания других планет сектора.

В течение двух веков Хевен продолжал процветать. Его население выросло почти до семи миллиардов, а сам он превратился в своего рода звездные Афины. Сектор Хевена, хоть и состоящий из независимых систем, в целом по экономической мощи приблизился к Солнечной Лиге, при этом оставаясь оживленным и нацеленным на экспансию, в отличие от удовлетворенной и сонной Лиги. Хотя в секторе нет туннельных сетей, но есть доступ к Мантикорской (а позднее и к Эревоновской) сети и через них к лиге. В целом были все основания полагать, что экспансия и процветание в секторе будут продолжаться.

Не вышло. Нельзя точно указать на событие положившее начало изменениям, но общей их причиной, наверное, был так сказать сверхуспех. Сектор — и Хевен в частности — чересчур преуспели. Начали появляться сожаления, что невероятные богатства сектора распределены столь неравномерно. Капитализм, как обычно, породил разделение общества на классы, от чрезвычайно богатых, до бедных и даже нищих. Даже то, что «нищие» Хевена жили неизмеримо лучше, чем граждане Нью-Берлина до прихода династии Андермана, не принималось во внимание, ибо сравнивали-то они со своими собственными соседями.

В республике начались эксперименты, поначалу осторожные, с программами взаимопомощи и благотворительности чтобы улучшить перспективы наименее успешных граждан. К сожалению, то, что начиналось как эксперимент, закончилось чем-то совершенно иным. Трансферты для поддержания малопродуктивной индустрии становились все больше, облагая все большей данью продуктивные отрасли. Малорентабельные операции поддерживались защитными тарифами, государственными займами и прямыми грантами на обеспечение полной занятости, что одновременно подрывало общую эффективность и производительность индустрии и способствовало инфляции. Инфляция, в свою очередь, ухудшала положение бедных,

требовала все больших трансфертов, которые вскоре стали индексировать в соответствии с инфляцией в обязательном порядке. По мере расширения сети взаимопомощи те, кто помощь получает стали воспринимать это как реализацию своих «прав». И к 1680 году э.р. на Хевене была опубликована знаменитая «Декларация Экономических Прав», объявившая, что «неотъемлемым правом» гражданина является законодательное закрепление (и поправка на инфляцию) уровня жизни.

По ходу дела правительство запустило бесконечную спираль возрастания инфляции, трансфертов и дефицита бюджета. Кроме того, оно (неумышленно, по крайней мере первоначально) подорвало основу своей собственной демократии. Средний класс, традиционная опора Республики, оказался под все увеличивающимся давлением как снизу, так и сверху, между молотом все менее продуктивной экономики и наковальной все возрастающего бремени благотворительной системы. Когда-то средний класс воспринимал богатых как (в худшем случае) невраждебных конкурентов или (в лучшем случае) как союзников на пути к совместному процветанию. Теперь же, как богатые, так и бедные ими воспринимались как противники в борьбе за сокращающийся достаток. Хуже того, традиционная цель среднего класса — переход в разряд богатых — становилась все более призрачной и обвинить в этом было гораздо легче богатых, чем бедных. Таковые обвинения звучали все чаще по мере того, как «просвещенные» комментаторы и академики занимали ведущие позиции в СМИ и системе образования.

Пожалуй хуже всего было появление блоков «Долистов». Долисты, получившие свое прозвание за то, что получали свою «долю» государственной помощи, тем не менее имели право голоса и, естественно, отдавали голоса тому из кандидатов, кто обещал им дать больше. В этом смысле интересы долистов тесно переплетались с интересами карьеристов-политиканов. Появился новый класс политиканов — менеджеры долистов — исполняющий роль «делателя королей», предоставляя своему кандидату громадный пакет

голосов. Политики быстро осознали, что «подкармливая» менеджеров могут быть практически уверены в надежности своего положения — и что обратное столь же справедливо. Политик же на которого ополчился «Народный Кворум» (официальное название союза менеджеров долистов) был обречен. Лидеры Кворума, осознав свою силу, продемонстрировали ее всем на примере нескольких политиков.

В конце концов, завершая картину массового сумасшествия целой планеты, большинство из тех, кто понимал, что творится что-то не то, попали в плен «теории заговора», подразумевая что проблемы вызваны целенаправленными действиями врагов — скорее всего местных «денежных мешков», или иностранных производств «запрудивших» рынок Хевена дешевыми суррогатами. Хуже того, к середине 18 века⁸ в обществе и среди политиков стало преобладать мнение, что «этого бы не произошло, если бы мы не допустили где-то ошибку», а к концу столетия эта мазохистская тенденция только усилилась.

К 1750 году э.р. Республика — больше не «Республика Хевен», а «Народная Республика Хевен» — оказалась в плену у коалиции профессиональных политиков (и не помышлявших о другой карьере) и Кворума пользующихся поддержкой и сотрудничеством с морально и интеллектуально обанкротившейся наукой. Средства массовой информации работали на Кворум, если необходимо — то под угрозой занесения в черный список. То, чего Кворум может добиться занеся журналиста в черный список было продемонстрировано на примере Адель Вассерман, одной из последних умеренных журналистов. Ее умеренность по стандартам середины 17 века была бы расценена как левоцентристские убеждения, но современники из 18 века заклеили ее «консерватором» и даже «реакционером». Ее называли «врагом общества», «рабом денежных мешков» и «элитисткой». Ее наниматель, одно из последних независимых агентств новостей, в результате экономического бойкота, забастовок и давления со стороны правительства было вынуждено уволить ее с формулировкой «за социальную нечуткость и избыточную демагогичность».

Увольнение и последовавшая затем эмиграция в Королевство Мантукора, где Адель стала одним из ведущих теоретиков центристской партии, стало знаком для всех имевших глаза чтобы видеть: Хевен обречен, если не произойдет что-то совершенно экстраординарное.

Впервые с подобной проблемой столкнулись давным-давно, на Старой Земле в эпоху Великой Римской Империи: когда власть держится на «хлебе и зрелищах», властители вынуждены проявлять все большую и большую щедрость, чтобы оставаться у власти. Соответственно политикам требовалась бездонная кормушка, чтобы платить долистам и поддерживать привычную систему взяток и коррупции. Даже такая прочная экономика как была у Хевена не выдерживала такого бремени после двух веков саморазрушения. Было очевидно, что система в целом в беде: налоговые поступления не покрывали расходов уже 143 стандартных года; исследования и перспективные разработки сворачивались, поскольку чрезмерно политизированная (и, соответственно, неэффективная) система образования вместо научной подготовки занималась словоблудием на тему псевдонаучных коллективистских экономических теорий; и без того сократившиеся числом способные менеджеры производства утекали в другие системы, где они бы могли использовать свои таланты к собственной выгоде. Конец этой утечке должен был положить «Акт о Сохранении Технического Потенциала» от 1778 года э.р. запретивший эмиграцию ученых и инженеров, поскольку их знания национализировались как «достояние Республики», но и он не смог обратить общую тенденцию.

Экономический рост остановился — на самом деле сменился падением — но постоянное повышение Базового Жизненного Пособия было политически неизбежно, и последовавшие застой и инфляция стали самоподдерживающимся процессом. В 1771 году э.р. в совершенно секретном докладе Палате Законодателей предсказывался полный коллапс экономики к 1870 году по сравнению с которым Великая Депрессия⁹ - или Экономическая Зима 252 года э.р.

выглядели бы мелким регрессом. Военные, извещенные о предполагаемой глубине коллапса, предупредили, что за ним последует уличная война, в которой граждане будут биться за пропитание, поскольку Хевен достаточно давно зависим от импорта продовольствия.

Правительство видело только два выхода: сжать зубы, прекратить практику дефицитного бюджета, отменить БЖП и надеяться пережить последующую катастрофическую реорганизацию, или найти какой-нибудь источник пополнения бюджета. На деле, конечно, первый вариант для них был неприемлем, но из экономики уже мало что можно было выжать. Часть законодателей, запаниковав, предложили драконовский план «потрясти богатых», но большинство понимало, что эффект будет чисто косметическим. Не говоря даже о богатстве самих законодателей, богатые составляли не более 0, 5% населения и даже предложенный конфискационный уровень налогообложения принес бы только временную отсрочку... и полностью бы ликвидировал будущие частные инвестиции и налоговые выплаты (уже доходившие до 92% на доход и 75% на инвестиции). Самоподдерживающаяся налоговая система может существовать только при наличии крепкого среднего класса, а средний класс систематически уничтожался, то что от него осталось было слишком мало для поддержания уровня расходов правительства уже почти сотню лет.

Все это оставило только один потенциальный источник дохода и правительство при поддержке кворума подготовила план по его захвату названный «План ДюКвесин».

Первым шагом было «Конституционное Собрание» радикально изменившее конституцию Хевена. Сохранив демократический фасад, новая конституция изменила требования к избираемым представителям и дала Палате Законодателей право отвергать уже избранную кандидатуру по причине «персональной неготовности к служению обществу» тем самым установив наследственную диктатуру Законодателей. (Первоначально не было строгой передачи

власти от отцов детям, скорее это было узаконенная практика воспитания «преемников», что было стандартным способом делать карьеру в политике уже больше века; династическая система в обычном понимании сформировалась позже.) Вторым шагом стало дальнейшее раздувание дефицита бюджета, на этот раз для самого большого увеличения армии за всю историю Хевена. И, наконец, третьим шагом, начатым в 1846 году э.р., было получение доходов из совершенно нового источника: военных завоеваний.

Первые атаки практически не встретили сопротивления. В секторе настолько сжились с идеей, что Хевен представляет собой идеал устремлений человечества, что его устойчивый коллапс был неимоверно недооценен. Проблемы Хевена были известны, но их серьезность была оценена неверно, превалировало мнение что все они будут решены когда Хевен, наконец, наведет порядок в доме. Большинство соседей Хевена считали, что он был на правильном пути, но временно потерял контроль над событиями, и многие из них двигались, подобно леммингам, в том же направлении. Неожиданное увеличение армии Хевена вызвало некоторую настороженность, но тех кто предполагал возможность враждебных акций со стороны миролюбивого Хевена называли истеричными алармистами. Кроме того, другие системы сектора начали испытывать проблемы с экономикой, а боевые корабли и войска требуют денег, которые можно было бы потратить на программы благотворительности.

За период с 1846 по 1900 год э.р., менее чем за полсотни лет, Народная Республика Хевен захватила все системы в радиусе сотни световых лет, объединила их в новую, межзвездную НРХ управляемую наследными «законодателями» из системы Хевена.

К разочарованию законодателей, вскоре обнаружилось, что завоевание не решило всех проблем. Да, они выпотрошили экономику покоренных миров, но был предел тому, что можно взять не вызвав открытого мятежа. Хуже того, военная машина требовавшаяся чтобы завоевать и держать в узде новую империю стоила им больше чем они рассчитывали, особенно потому, что встревоженные и (пока)

непокоренные соседи начали вооружаться в ответ. Несмотря ни на что дефицит бюджета сохранялся; просто имеющихся ресурсов постоянно не хватало, чтобы содержать армию и дотируемое население. Создавалось впечатление процветания во внутренних делах, но информированные люди понимали, что это только впечатление. Вкратце: у «Республики» было только два пути: продолжать экспансию или рухнуть.

Итак, в 1900 году э.р., у Народной Республики не было иного выхода, кроме как искать новые регионы для завоевания... и она нашла, а на пути к ним лежала маленькая, но богатая система известная под именем Звездного Королевства Мантикора.

notes

Примечания

1

Имеются в виду корабли, на которых за время длительного полета сменяется несколько поколений. — Д.Г.

2

Для парусного судна — навстречу ветру.

3

Положение обязывает (фр.).

4

Партия консерваторов в Великобритании.

5

Охлократия — власть толпы (греч.).

Внимательный читатель может заметить, что вышеприведенный абзац резко противоречит сказанному в прологе к «Космической станции Василиск». Там одним из аргументов в пользу атаки на Мантикору было именно то, что «у Эревона членство в лиге», т.е. даже не статус протектората, а полное членство! Автор, судя по всему, изменил свои планы по развитию сюжета... — Д.Г.

7

Haven— гавань, убежище (англ.).

здесь и далее имеются в виду века «эры Расселения». — Д.Г.

Экономический кризис в США в 1929—1933 годах нашей эры.

